

Светлана Новоселова

Таинство становления личности

Передо мной лежат два великолепно изданных ярких и уникально содержательных тома книги «Таинство детства», написанной моей давней знакомой и другом Валерией Мухиной.

Нас с автором книги связывает многое, и это прежде всего – общие учителя, общие коллеги, общие научные проблемы и само пространство жизни. В разных средних московских школах, в которых учились Валерия Мухина и я с Людмилой Чайновой, преподавала психологию в конце сороковых – начале пятидесятых годов Елена Михайловна Кудрявцева (сначала – аспирантка, позже – научный сотрудник Психологического института). Именно она, растроганная нашей любознательностью и интересом к эволюционной психологии, рекомендовала всех троих Надежде Николаевне Ладыгиной-Котс, под сенью великих эволюционных идей которой мы познакомимся. Н.Н. Ладыгина-Котс, хорошо знавшая Е.М. Кудрявцеву – супругу известного психолога профессора *Ивана Михайловича Соловьева*, – охотно приняла нас в Дарвиновском музее и предложила посещать руководимый ею кружок изучения поведения животных. Особенностью этого кружка было то, что школьники могли вести наблюдения за животными, присутствовать на «взрослом» семинаре по проблемам зоопсихологии, многие годы ведомым Н.Н. Ладыгиной-Котс. Участниками этого семинара, помимо именитых антропологов, зоологов и натуралистов, были ее ассистентка и наш большой друг Н.Ф. Левыкина, молодые тогда еще К.Э. Фабри и М.А. Герд – костяк школы Н.Н. Ладыгиной-Котс, к которой принадлежали и мы – школьники, позже – студенты и, наконец, самостоятельные исследователи. Старое помещение Дарвиновского музея было в здании Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина, ныне МПГУ. В наши дни в этом университете на факультете педагогики и психологии бывшая девочка-юннатка с чудными густыми и длинными светло-русыми косами, а ныне – автор книги «Таинство детства» и многих других книг, в том числе и «Возрастной психологии», Валерия Сергеевна Мухина, заведует кафедрой психологии развития.

В.С. Мухина – человек многих талантов: биолог, художник, психолог и, наконец, писатель, яркий необычный, неординарный человек. В кабинете Н.Н. Ладыгиной-Котс долгие годы висела на стене написанная Лерой маслом картина «Спорящие вороны». Сейчас картина вернулась к ее автору. Насколько я помню, Леру Мухину и Н.Н. Ладыгину-Котс связывали, кроме чисто научных, еще и доверительные отношения. Не случаен этот дневник развития близнецов. Н.Н. Ладыгина-Котс была своим ученикам примером самоотверженного, а подчас и стоического служения науке: она, автор всемирно известных исследований животных и особенно шимпанзе, родив в 1925 году сына Рудольфа (Руди), стала писать с первого часа после его рождения дневник развития, послуживший ей впо-

ледствии материалом для сравнительно-психологического анализа и глубоких теоретических выводов. Что могла почерпнуть из бесед с выдающимся ученым молодая исследовательница? Безусловно, желание продолжать линию учителя в своих изысканиях. Это была мощная мотивация.

Я хорошо помню, как будущий автор книги «Таинство детства» встретила меня солнечным жарким днем, прекрасная в своей беременности, и сказала мне, что, кажется, будут близнецы. «Ты боишься?» – спросила я. – «Нет. Я жду их», – ответила Лера.

Еще одна встреча, уже после рождения мальчиков: «Пишу дневник, стараюсь ничего не упустить», – сказала мне мать – биолог и психолог. И еще встреча: «Ну как, ты пишешь?» В ответ: «Пишу каждый день. Как бы я ни устала, заставляю себя писать, нельзя пропустить ни дня – они так меняются! Знаешь, это вошло в привычку. Не могу не писать!»

Помнится, я изумилась и восхитилась упорством Леры, ее целеустремленностью. И так – долгие годы. Сейчас я рассматриваю, перелистываю, читаю уже четвертое издание уникальной книги. Сначала были «Близнецы» (два издания). Потом эта книга – два издания одно за другим. Последнее издание и побудило меня к рецензии, если это именно жанр рецензии, в чем я сомневаюсь: скорее, это рассуждения одного психолога о немислимом по сложности и значимости труде другого психолога.

Несомненно, В.С. Мухина входит в плеяду известных современных отечественных психологов по многим показателям, и один из них – книга «Таинство детства». Чем же хороша эта книга? Посмотрим сначала на обложку первого тома: два малыша, два братца доверительно нежно и как-то объединенно стоят, но не просто стоят, а излучают объединенность. И вместе с тем они уже разные. Мы видим их трогательные спинки, бошки, ножки – позы разные. Говорят ли они что-то друг другу? Их внутренние состояния сопоставимы, но переживания, их душевность уже имеют у каждого свой нюанс. На обороте книги детская записка – маляки, полная глубочайшего смысла. Написаны коренные слова детства – «мама-папа». Они написаны по-разному. Слово «мама» легкое, полетное. Слово «папа» другое: буквы основательные, кряжистые и даже (случайно ли?) подчеркнуты. И всюду буква «я»: два раза в зеркальном изображении и один раз правильно рядом с самоутверждающим словом «гав». Все это (случайно ли?) нетвердой рукой, но вполне определенно отделено от нижних букв и рисунков-символов (изображены ноги собаки, как разъяснила мне мама близнецов) неровной чертой. Это послание трехлетнего Андрюши из раннего детства в дошкольное полно глубинного смысла рождения своего «Я» из формирующейся психологической субстанции индивидуальности. Вчитайтесь, вдумайтесь: «Я мама папа» и ниже «Я гав». Это заявляет о себе индивидуальность Андрюши – одного из сыновей радости, как называет их автор-мать.

И все-таки – гав – малыш пытается самоопределиться: он – гав, т.е. имеет свое лицо. Это не протестное или подражательное гавканье по примеру какой-то оставившей яркое впечатление собаки. Это заявляет себя по щенячьей сильно индивидуальности ребенка, саморефлексия. Он слово имеет право молвить и сообщить всем: «Я – гав». Он тоже человек и пото-

му может написать всем, сообщить, что вот он слит с мамой и папой, но он уже может быть и самим собой, о чем он и заявляет: «Я – гав!»

Я не знаю более очевидного заявления ребенка о своей самости, отдельности, о своих правах на самостоятельность. Это прекрасно понимает В.С. Мухина, вынося на последнюю обложку своей первой книги о таинстве детства уникальное послание сына из глубин его психики, пробуждающегося сознания и воли.

Обложка второй книги не менее значительна. Дети там старше. Они (фото на первом картоне обложки) сидят (опять вместе) в излучине «коряво сглаженной» изогнутой ветки дерева. Дети сидят рядом, но их ножки спущены по разным сторонам древесного ствола. Лица обращены к нам. Их мимика резко различна: один ласково прислонился к теплой древесине и смотрит с мечтательным, немного отрешенным выражением лица вдаль и в сторону, он погружен на этот миг в себя. Другой насторожен, он видит, что его фотографируют, смотрит зорко, являя своей мимикой и взглядом яркое выражение ориентировки, так любимой нами – психологами. Два сознания. Одно обращено внутрь, другое – вовне. Этот миг пойман на фотографическом кадре.

На последней обложке мы обнаруживаем почти философский текст, написанный уже шестилетним Андреем: «Я. ушел. гулять. так. далеко. я. ушел. гулять. что. потом. домой. дорогу. не. нашел». Текст разделен точками. Я воспринимаю эти точки как моменты раздумья. Запечатленная в тексте мысль ребенка здесь не только дискретна. Именно благодаря точкам она содержит для аналитика возможность предположить более глубокий смысл содержания мыслительной (внутренней) деятельности ребенка. Внешний текст скрывает личностные смыслы каждого слова, что и обнаруживается благодаря точкам-паузам. Ребенок пишет осмысленно, но медленно. С точки зрения человека, который просто читает записку ребенка, все очень просто. Есть два сообщения. Первое «Я ушел гулять», второе – «так далеко я ушел гулять, что потом домой дорогу не нашел». Если же учесть точки, символизирующие паузы, то это уже текст, отражающий глубочайшие раздумья ребенка о себе, своей возможной судьбе: если очень далеко уйдешь от дома, то не найдешь дорогу домой.

Поэтому я позволяю себе в тексте Андрюши точки заменить многоточиями, и тогда получается текст, включающий невысказанное... «Я... ушел... гулять... так... далеко... я... ушел... гулять... что... потом... домой... дорогу... не... нашел». Это нечто (содержание раздумий), невысказанное ребенком, скрывает психологический механизм его сознания. Ребенок на самом деле переживает сложные коллизии рефлексии причин и следствий своих поступков, причем делает это в своем внутреннем плане и, как может, стремится к сообщению о состоянии своей души другим.

Мы далеки еще от понимания механизмов становления детского сознания, но отдадим должное автору книги: она вынесла на обложки своей книги ключевые факты и факторы психологии детского развития, и потому верно название книги: «Таинство детства».

Таинство детства – это больше, чем наше обычное обращение к деятельности ребенка, психическим процессам и его объективно регистри-

руемым психическим состояниям. Безусловно, научное исследование развития невозможно без обращения к упомянутым психологическим категориям, но нельзя не признать, что их недостаточно, если мы говорим о личности. Старый, если не сказать старинный, подход к психологии человека и, разумеется, ребенка, требовавший изучения переживаний, внутренних предпочтений, привязанностей, становления духовной составляющей личности, казалось бы, ушел или уходил в прошлое, как и метод интроспекции. Однако жизнь общества, ее изменчивые пристрастия обращают психологическую науку вновь к этим источникам понимания «духовной» составляющей человеческой психики. Это оправдано, если уже с новой позиции, обогащенной представлениями о деятельностной основе психического развития личности и ее культурно-исторической обусловленности, психология вновь попытается исследовать неуловимый феномен душевной индивидуальности человека. Этот феномен столь же объективен, сколь и неуловим. Единственный путь его постижения, по видимому, в определении детерминант и сущностных характеристик процесса его становления в детстве. Несомненно, данная задача трудна для каждого психолога, но ее нужно решать, к чему и стремится В.С. Мухина в своей книге на объективном материале дневников развития детей.

Первый том книги «Таинство детства» посвящен новорожденности близнецов, их младенчеству, раннему детству и возрасту от трех до пяти.

Второй том – от пяти до шести лет, затем – первый класс.

Первая дневниковая запись в книге от 6 марта 1961 года – близнецам двадцать один день. Последняя запись, приводимая во втором томе книги, – 15 мая 1968 года – мальчикам 7 лет 3 месяца и 2 дня. Между этими датами – огромное пространство жизни близнецов. Они очень хорошие мальчики, и в этом близнецы похожи. Они очень разные – в этом индивидуальность каждого из них.

Дневники, которые вела мать – биолог и психолог, представляют особый архивный материал, на анализе которого базируется оригинальная концепция развития личности, которую и строит автор.

Двухтомник В.С. Мухиной представляет собой явление исключительное не только в отечественной, но и в мировой психологии. Специальный анализ литературы по близнецовым проблемам (я консультировалась в этой связи и с крупнейшим знатоком в области генетической психологии И.В. Равич-Щербо) обнаружил, что дневники развития двуяйцовых близнецов, изданные матерью-психологом, уникальны. Эта уникальность связана не только с тем, что дневники В.С. Мухиной единственное научное произведение в этом роде, но и с той научной интерпретацией процессов личностного развития, которую дает автор.

Были научные дневники и раньше, и позже. Исключительной научной ценностью обладают дневники Н.Н. Ладыгиной-Котс, которая вела свои записи за развитием сына Рудольфа Котса. Подлинники этих дневников хранятся у него. Перепечатанный по инициативе А.В. Запорожца экземпляр хранится у меня. Дневники Н.Н. Ладыгиной-Котс до сих пор полностью не удавалось издать. Я могла бы свидетельствовать почему. А.В. Запорожец однажды сказал мне: «Света, я как директор института

(НИИ дошкольного воспитания АПН СССР. – С.Н.) должен выбирать между вот этим (при этом он указал на список не вошедших в план изданий института на очередную пятилетку рукописей, о которых, изданных позже, все уже забыли в силу их, как сейчас пишут, сугубой идеологизированности) и дневниками Н.Н. Ладыгиной-Котс. Подожди, Света». Его голос был грустным. Конечно, мой и Лерин нравственный долг сделать что-то, чтобы издать эти дневники нашего учителя и великого ученого и несомненного психолога отечества.

Дневники Валерии Сергеевны Мухиной – это сага о близнецах. Они являются достоянием мировой психологии благодаря полной их исключительности, эксклюзивности, как принято сегодня говорить. Эта исключительность определяется как объектом дневников – двужайцовыми близнецами, так и предметом многолетнего исследования, проведенного на материалах дневниковых записей. **Зачарованная своими детьми**, идейно поглощенная таинством их развития и устремленная к психологической проблематике личности В.С. Мухина, долгие годы анализируя материалы своих дневников, пришла к глубокому видению психологических (и, может быть, духовных) закономерностей, лежащих в основе развития индивидуальных и общих черт личности каждого из близнецов, ее дорогих сыновей.

Она сумела, рассматривая таинство детства изнутри его волшебных для матери преобразований, извлечь для науки об онтогенезе ребенка и его личностном развитии главное – тайну становления его индивидуальности.

На самом деле, как мне достоверно известно от автора, дневники гораздо шире по эмпирическому исходному материалу, чем наиболее значимые их фрагменты, составившие эмпирическую основу двух томов книги «Таинство детства». В книге отражено ключевое, подлинно документальное содержание детского поведения, поступков, открытий, эмоциональных и более глубоких чувств как реакций на происходящее; отношений проявлений к окружающим, друг к другу, к содержанию, общаемому им взрослыми.

Дневники документируют возникновение главнейших психических новообразований: углубление ориентировки в топографии обиталища, в ближайшем людском окружении, в предметах быта и игрушках, в звуках и человеческой речи; возникновение понимания обращенной речи, развитие собственной речи вплоть до ее совершенных форм; восприятие мира от простого до обогащенного; мышление от его практических проявлений до мышления дискурсивного и социально-позиционного; от простого воображения до фантазии и творческих взлетов.

Мне представляется, что не только сама Валерия Сергеевна может анализировать эти дневники. Каждый психолог, кому необходимо обратиться к подлинности детства, найдет в дневниках бесценный материал для раздумий над психологическим таинством развития человека от рождения до порога школы и в начальные школьные и последующие годы. Необыкновенно ценна и авторская интерпретация содержания дневников.

В.С. Мухина ведет читателя от одного достижения детей к другому и так по всему тексту дневников. Читая двухтомник, я попробовала выписать все замечания автора на «полях» книги развития и получила потрясающую картину, но уже не эмпирическую, а обобщенно-теоретическую, которая у автора имеет свои пункты – ключевые вехи развития. Следующий виток обобщений дают содержательные резюме автора, и, наконец, в конце книги – глоссарий. Казалось бы, просто определение понятий, но это особые определения. Они не из числа общепринятых, хотя и безусловно опираются на психологические категории и культурно-историческое основание. Бросается в глаза и даже изумляет то, что каждая мысль автора имеет свою параллель в духовном наследии тысячелетней культуры: Ветхий Завет, Евангелие, учение богословов, поэты, философы и другие мудрецы прошлого. Автор приводит их мысли в параллель своим, и это сопоставление совсем не нарочито и не искусственно, оно служит обогащению содержания глоссария, подтверждает его культурную преемственность, задает историчность авторским размышлениям.

Глоссарий В.С. Мухиной – это ее философия развития ребенка в социуме, которому свойственно постоянство в его изменчивости, постоянство обновления. Именно в постоянном и обновляемом социуме растет и развивается каждая следующая генерация детей. В.С. Мухина так и пишет – исторически обусловленные реальности существования и развития человека. Эти реальности мне, читателю-психологу и естествоиспытателю, как будто известны уже давно, но в тексте В.С. Мухиной я сразу усматриваю некую особость, свой оригинальный вдумчивый ракурс видения содержания и смысла этих реальностей.

Рассмотрим же эти реальности такими, как их обозначает автор. Первое, что становится ясным для того, кто читает «глоссарий» *после* чтения текста двухтомника: понятия, раскрываемые в глоссарии, обогащены материалами живых наблюдений за детьми и представляют *новую* оригинальную и содержательную концепцию психологии и развития личности ребенка. Эту концепцию я бы определила как концепцию общественных детерминант развития, учитывая, что и природные детерминанты (реалии) автор совершенно правильно определяет через культурно-исторический фокус предметности. Культурно-историческая парадигма представлена процессом становления собственности в качестве реального плана присвоения ребенком себе всего человеческого и рефлексии своего человеческого через зеркало.

Поэтому реальность предметного мира в авторском понимании это – собственность и зеркало.

Реальность образно-знаковых систем (слово во всех его ипостасях, жест); природная реальность (воздух, вода, земля, огонь); полярная реальность социального пространства (можно – нельзя; хорошо – плохо; хороший – плохой). Все эти реальности действуют в повседневной практике жизни ребенка, и он постепенно проходит этот тернистый путь вместе со взрослыми и сверстниками.

Далее следует структура самосознания (имя, тело, лицо; притязание на признание; половая идентификация; психологическое время личнос-

ти; социальное пространство личности; категория развития рассматривается через сензитивность, сгущение – паузу, познание – понимание). Что такое сгущение – пауза? В.С. Мухина прямо говорит об этом, и я знаю, что этот феномен замечают не только теоретики, но и практики дошкольного воспитания. Для меня этот феномен загадочен и проблемен. Какой психологический механизм стоит за «сгущением – паузой»?

Чувства представлены в глоссарии *сопереживанием, завистью, ложью, зазнайством и смехом (юмором?)*.

Последняя категория – внутренняя позиция, набирающая силу через *идентификацию, обособление, утверждение «Сам!»*, способность к утверждению «Да!» и отрицанию «Нет, не», семантика которого многолика, и, наконец, «Я», что обозначает собственную сущность человека, «*существо, которое желает быть*», как пишет В.С. Мухина. Глоссарий увенчан следующими словами автора, утверждающими гуманистическую сущность развития ребенка: «Человек, – отмечает В.С. Мухина, – развивается через идентификацию с другими людьми, с природными и рукотворными объектами. В то же время он осваивает действия обособления, учась отстаивать свою индивидуальность. «Я» детского самосознания проходит сложный путь обогащения свойствами всего сущего и развития своей уникальности. «Се – человек», – завершает автор свой труд бессмертными словами.

Вернемся к главным героям книги «Таинство детства» – Кириллу и Андрею – сыновьям Валерии Сергеевны Мухиной, самоотверженной матери, реализовавшей при поддержке всеобъемлющего чувства любви к ним – близнецам, себя как ученого-аналитика их развития.

Мальчики росли в атмосфере любви и внимания. Они произошли из двух – крестьянского и мещанского (т.е. городского, предпринимательского) – родов великороссов из Центральной части России. В книге приводится генеалогическое древо Кирилла и Андрея Хвостовых по отцу и Мухиных по матери. Это генеалогическое древо отражает эволюцию, типичную для талантливых и деятельных русских людей, судьба которых оказалась связанной с историческими преобразованиями XIX–XX веков. Люди из родов Мухиных и Хвостовых, как и тысячи других коренных и укорененных жителей России, последовательно прошли путь от крестьянского сословия к городскому (мещанскому) сословию. В годы двух мировых войн мужчины этих родов стояли насмерть за Родину, переживали плен и погибали, если так складывались их судьбы (прадедушка – Суворов Сергей Александрович в Первую мировую войну, дедушка – Мухин Сергей Андреевич в 1942 г. пал на полях страшных сражений во Вторую мировую войну).

Кто-то из них – дедов – стал коммунистом и коммунистом погиб. Кто-то был председателем колхоза, кто-то высококвалифицированным токарем-инструментальщиком – элитой пролетариата (это был Хвостов Евсей Филиппович). Погибший дед – Мухин Сергей Андреевич, имел уже два высших образования, а его интеллигентная жена (Варвара Сергеевна, мать Леры и одна из бабушек близнецов) обладала даром самоотверженной любви, который передала дочери – автору «Таинства детства». Родители

Андрея и Кирилла – люди с высшим образованием – при рождении близнецов, развиваясь вместе с ними, «достигли» высоких вершин образованности и делового (карьерного и научного) успеха. Отец, инженер, стал директором фирмы МВТ. Мать – доктором психологических наук, профессором, заслуженным деятелем науки, действительным членом РАО, зав. кафедрой психологии развития МПГУ, членом Союза писателей России.

А что же мальчики-близнецы? Они получили прекрасное, полное любви домашнее воспитание. Посещали детский сад. Окончили среднюю школу. Один, Андрюша, как и мать, окончил биофак МГПИ. Другой, Кирилл, окончил психологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Самое удивительное, что оба нынче кандидаты психологических наук. Что сыграло главную роль в окончательном профессиональном определении близнецов: пример матери или их сходство, связанное с двуяйцовой, но все-таки близнецовостью? Что думают об этом они, рефлекслирующие психологи и сама Валерия Сергеевна?

Мальчики развивались в практически идентичных условиях, но они характерологически были очень разные, что стало заметно уже ко второму месяцу жизни. Последующее раннее и дошкольное детство, если судить по документально точным дневниковым записям и научным комментариям Валерии Сергеевны, подтвердило и усугубило различия между близнецами. Специфичность индивидуальности личностного развития обнаруживает себя в поступках и словах, эмоциях детей. Это два разных ребенка: один скорее интроверт, второй – экстраверт. Один более погружен в область чувств, второй стремится их выразить вовне. Оба глубоки по содержанию собственной внутренней позиции, но у каждого здесь есть свой нюанс.

Только ли о своих детях этот дневник? Нет, этот дневник населен детьми. Героями двухтомника являются многие дошкольники и школьники – товарищи детских игр и занятий Андрея и Кирилла. О них, их взаимоотношениях с близнецами В.С. Мухина пишет много и интересно, определяя психологические позиции детей в различных ситуациях, их мнения, споры, самоутвердительные действия и высказывания, процессы половой идентификации, встречи с несправедливостью и справедливостью в отношениях: учителя и дети, дети и взрослые, дети и дети.

Я бы дала второй книге «Таинство детства» подзаголовок «Энциклопедия развития взаимоотношений» или «Становление характеров», или, как название журнала, в котором Лера главный редактор, – «Развитие личности».

Я думаю, что книга В.С. Мухиной правильно оценена ею и ее читателями не только как психологическое произведение, но и как жанр художественной прозы.

Потому-то книга так неординарна. Книга-двухтомник «Таинство детства» действительно хранит в себе некое «таинство», «тайну», «кладезь проблем» – нечто высказанное и то, что не высказано, но ощущается как манящая загадка человеческого естества и духа. Книга – глубокое не только психологическое, но и философское произведение. Не ожидала я, приступая к рецензированию, казалось бы, хорошо знакомой книги, напи-

санной человеком, которого я так давно знаю, что мне откроются при внимательном чтении такие глубины детской психики. Я вспоминаю в этой связи давнюю беседу с Александром Федоровичем Котсом, директором-основателем Дарвиновского музея, мужем Надежды Николаевны Ладыгиной-Котс. Он был сложной натурой: глубокий биолог, дарвинист и в какое-то время теософ, т.е. человек, задумывающийся о вечном и судьбоносном и о роли случая, притом самого мелкого, казалось бы, но из которого вырастает поворот человеческой судьбы. По сути его занимала теория случайности в жизни природы, в истории общества и каждого человека. Он говорил со мной о роли случая, причем трагического, определившего собственную, как он полагал, научную судьбу. Действительно, мы обычно останавливаем свой профессиональный интерес на изучении глобальных причинностей, но человеческая психика – весьма тонкая материя, и никак нельзя отмахнуться от роли случая в психологическом развитии личности. Это действительно реальность жизни каждого. В.С. Мухина, вольно или невольно, опираясь не только на свою глубочайшую психологическую профессиональную интуицию, но и на внутреннее око своей души – т.е. глубинное прозрение, подчас не высказанное словом, но представленное в контексте книги, заставляет думать о новом повороте в изучении закономерностей субъективной и объективной составляющей развития личности человека.

Книга «Таинство детства» вновь открывает нам тайну становления человеческой личности! Раскроет ли психология эту тайну? Человечество ждет...

Ирина Токмакова

Сокровенная тайна детства

Я читаю эту книгу, как роман. Взахлеб, не отрываясь. Мне иначе ее и не прочесть – я ведь не ученый, не специалист, не психолог. Стало самой интересно разобраться, что же так волнует меня в этом произведении-исследовании? Здесь замечательная мать шаг за шагом, день за днем фиксирует и анализирует все проявления своих сыновей-близнецов. Мне это интересно как детскому писателю, как человеку, всю свою жизнь посвятившему детям. В другой области, в другом ключе, но тоже – детям.

Но только ли это? Почему это чтение дает так много моей собственной душе?

Не потому ли, что в глубинах каждого человека живет острое желание хоть на минуточку вернуться в собственное детство? Многие взрослые проблемы были зернышками посеяны именно там, в самом начале жизни, многие ответы тоже именно там и кроются, ответы на те вопросы, которые задает себе взрослый человек. Вот в этом, видимо, и дело. Эта книга помогает всякому читающему спуститься в глубины собственного